

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. И. АБАЕВ

О ПРИНЦИПАХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

1. Значение слова «этимология»

Слово «этимология» образовано из греческих *ἔτιμος* «истинный» и *λόγος* «слово», «значение» и по точному смыслу означает, стало быть, науку об «истинных», т. е. первоначальных значениях слов. В этом значении слово встречается у позднегреческих авторов (впервые у стоика Хризиппа), от которых оно воспринято и латинскими грамматистами. Варрон (*De lingua latina*, V, 2) определяет этимологию как часть грамматики, которая изучает «*cur et unde sint verba*» («почему и откуда происходят слова»). В новое время этимология определяется обычно как часть языкознания, занимающаяся происхождением слов¹. Однако, что следует понимать под «происхождением» слова? Если говорят, что слово *перстень* образовано от *перст* с помощью определенного форманта, можно на этом остановиться и считать этимологию, т. е. происхождение слова *перстень*, установленной. Но что значит установить, скажем, этимологию русского *два*? Связать его со старославянским *дѣва* или древнеиндоевропейским **diwo*? Но можно ли считать, что эти сопоставления разъясняют происхождение слова *два* как определенного звукового и семантического единства? Дают ли они ответ на вопрос, из каких предшествующих материальных элементов и на какой семантической основе в о з н и к л о данное числительное? Конечно, нет. Эти сопоставления только доводят историю слова до определенных прошлых эпох, до эпохи славянского или до эпохи индоевропейского единства. До происхождения, в смысле первоначального возникновения, мы на этот раз не доходим. Поэтому некоторые авторы, определяя этимологию, предпочитают говорить не о «происхождении», а о «генетических связях» слова. Так, А. А. Белецкий определяет этимологию как «установление восходящих и нисходящих генетических связей данной формы известного языка»².

Итальянский лингвист V. Pisani в недавно вышедшей обширной монографии об этимологии видит задачу этимологических исследований в том, чтобы «*determinare i materiali formali adoperati da chi per primo ha creato*

¹ Французский словарь Лярусса определяет этимологию как «*science qui s'occupe de l'origine des mots*» (1913). Так же «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова: «Отдел языкознания, изучающий происхождение слов». Немецкий словарь Мейера: «*Untersuchung der Grundbedeutung, des Ursprungs der Wörter*» (1897).

² А. А. Белецкий, Принципы этимологических исследований. Автореферат докторской диссертации, Киев, 1951 стр. 3.

una parola, e insieme il concetto che con essa egli ha voluto esprimere»³. Это определение, хотя и не говорит о «происхождении», все же подразумевает его. Для лингвистического мировоззрения автора характерно, что наречение он мыслит как акт индивидуального словотворчества.

Нет, может быть, надобности изгонять термин «происхождение» из определения этимологии. Но следует иметь в виду известную условность этого термина. «Происхождение» слова не всегда означает его первоначальное образование из каких-то предшествующих элементов. Сплошь и рядом нам удается только довести генетические связи слова до определенного предшествующего этапа (скажем, до языка-основы), не раскрывая до конца, «почему и откуда» оно возникло.

Научная этимология, как и вообще научное языкознание, начинается с создания сравнительно-исторического метода. В рамках этого метода этимология получила следующее реальное содержание: 1) для основных оригинальных слов данного языка — сопоставление со словами родственных языков и прослеживание их формальной и смысловой истории вглубь до языка-основы; 2) для слов, которые являются производными внутри данного языка (внутриязыковые дериваты), установление их составных частей, корня, основы и формантов в рамках данного языка; 3) для заимствований — указание источника заимствования. К этим трем задачам и сводится содержание этимологических исследований.

2. Этимология есть часть исторической лексикологии

Этимология не есть какая-то особая, самостоятельная отрасль или раздел языкознания; она составляет часть исторической лексикологии и только в этом качестве получает право на существование в советском языкознании, основу основ которого составляет историзм.

В традиционном употреблении термин «исторический словарь» применяется только к словарю, прослеживающему историю слов исключительно по письменным памятникам данного языка⁴. Если следовать этому пониманию, то окажется, что бесписьменные и младописьменные языки не имеют вообще никакой истории. Такое узко филологическое понимание «истории» неприемлемо и от него следует отказаться. Словарь становится историческим не в той мере, в какой слова в нем документированы по письменным памятникам, а в той мере, в какой он насыщен подлинным историзмом, т. е. в какой он строится на познании законов развития языка в связи с историей общества, историей народа.

С этой точки зрения неправомерно противопоставление этимологического словаря «историческому» словарю в традиционном понимании. Хотя и разными приемами, но оба они служат одной цели — истории.

«Исторический» словарь строится на чисто филологической документации и прослеживает историю слов по письменным памятникам данного языка.

³ «...определить формальный материал, использованный тем, кто впервые создал слово, и вместе с тем понятие, которое он им хотел выразить» (Vittore Pisani, *L'etimologia. Storia, questioni, metodo*. Милан, 1947, стр. 79—80).

⁴ Составители «Этимологического словаря латинского языка» Эрну и Мейе, объясняя в предисловии, как они распределили между собой работу, пишут: «А. Эрну излагал то, что можно узнать путем изучения текстов» («par l'étude des textes»), иными словами, «положение вещей в историческую эпоху латинского языка» («l'état des choses à l'époque historique du latin»). А. Мейе «взял на себя доисторическую часть» («la partie préhistorique»), т. е. «историю слов до первых показаний текстов» («l'histoire des mots avant les premières données des textes»). Почтенные авторы не избежали противоречия: «доисторическая» часть оказывается все же «историей». Но отчетливо проступает мысль, что собственно историю языка можно строить только на показаниях текстов данного языка.

Этимологический словарь, используя также данные филологической документации, не ограничивается ими; он исследует историю и генетические связи слов на широкой базе сравнительно-исторического языкознания и, таким образом, выходит далеко за рамки, очерченные письменными памятниками данного языка.

«Исторический» словарь интересуется историей данного слова вне зависимости от его генетических связей с другими словами этого языка, а тем более других языков.

Этимологический словарь, напротив, стремится с максимальной широтой и глубиной вскрыть эти генетические связи, опираясь на всю сумму данных исторической фонетики, морфологии и семасиологии как данного языка, так и всей семьи или группы родственных языков, а для заимствованных слов — и не родственных языков.

«Исторический» словарь составляет привилегию языков со старой, многовековой письменностью.

Этимологический словарь можно составить для любого, не только древнеписьменного, но младописьменного и бесписьменного языка, если только данные его диалектологии и сравнительно-исторического изучения позволяют восстановить историю его лексики за значительный период его развития.

Таковы важнейшие различия между «историческим» и этимологическим словарем. Но эти различия несущественны по сравнению с тем, что их объединяет: принадлежность к одному и тому же разделу языкознания — исторической лексикологии.

Всякая этимология, если даже она сводится к простому сопоставлению двух генетически связанных форм, содержит элементы истории. С другой стороны, простая регистрация форм в нескольких письменных памятниках может также иметь историческую ценность. Само собой разумеется, хорошие этимологические и филологические изыскания должны быть чем-то большим, чем простое сопоставление или регистрация форм.

Уже делаются попытки объединить в одном словаре «исторический» в узком смысле материал (документация по письменным памятникам данного языка) с этимологическим. Таков упомянутый латинский этимологический словарь Эрну и Мейе. В этом словаре словарная статья строится следующим образом: сперва дается филологическая документация слова у латинских авторов; указывается, древнего или позднего оно употребления, часто или редко встречается; какие различия в форме и значении можно отметить для этого слова в разные эпохи у разных авторов; какие у слова имеются дериваты. После этого идет собственно этимология, т. е. выяснение генетических связей данного слова с другими словами латинского и родственных индоевропейских языков или указание на источник заимствования, если слово инородного происхождения.

3. История слов и история народа

Коль скоро этимологический словарь по своему назначению не может быть ничем иным, как историей слов, становится очевидной тесная связь этимологических исследований с историческими и этногенетическими.

Известно указание И. В. Сталина: «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁵.

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1952, стр. 22.

Если это справедливо в отношении языка в целом, то особенно наглядно и осязаемо выступает связь с историей народа, когда мы изучаем с л о в а р н ы й с о с т а в языка.

История слов теснейшим образом связана с историей народа, несравненно теснее, чем история грамматического строя. Словарный состав языка, «как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения... Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. ...Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всем основном и используется, как основа словарного состава языка.

Это и понятно. Нет никакой необходимости уничтожать основной словарный фонд, если он может быть с успехом использован в течение ряда исторических периодов...»⁶.

В другом месте И. В. Сталин пишет: «...язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами...»⁷.

Различение словарного состава и основного словарного фонда имеет первостепенное значение для этимологической работы, для правильного использования этимологических исследований в исторических целях и вообще для проблемы связи истории языка с историей народа.

Основной словарный фонд, благодаря тому что он живет очень долго, в течение ряда веков, имеет исключительное значение для суждения о п р о и с х о ж д е н и и н а р о д а и его родственных связях с другими народами (этногенетическая проблема).

Остальной словарный состав, благодаря своей чувствительности к изменениям, происходящим в жизни общества, оказывается особенно ценным для суждения о процессах, связанных с изменениями социального строя, с развитием хозяйства и культуры и пр.

Особо следует отметить значение одной группы лексики: заимствованных слов. Они дают часто ценнейший материал о прошлых сношениях и взаимных культурных связях данного народа с другими народами.

Таким образом, этимологическое исследование вообще, в особенности же составление полных этимологических словарей находит себе почетное место в ряду задач, поставленных И. В. Сталиным перед советским языкознанием. Ближайшим образом оно связано с проблемой установления связи истории языка и истории народа, значение которой так подчеркивает И. В. Сталин в приведенных выше высказываниях по этому вопросу.

4. История слов и история мышления

Сказанным выше не исчерпывается научное значение и интерес этимологических исследований. История слов связана не только с внешней историей народа, но и с историей его мышления. Язык как «непосредственная действительность мысли» хранит увлекательную повесть многовековых усилий человека — познать, осмыслить и подчинить окружающую дей-

⁶ Там же, стр. 24—25.

⁷ Там же, стр. 41.

ствительность. «Будучи непосредственно связан с мышлением,— указывает И. В. Сталин,— язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»⁸.

Этимология, если она уделяет достаточно внимания не только формальной, но и смысловой стороне истории слов, может дать богатый материал для выяснения истории человеческого мышления. Как, по каким путям идет осознание и наречение тех или иных явлений и отношений опыта; как человек с помощью языка познает действительность, «осваивает» ее, как он, благодаря абстрагирующей работе мысли, создает из множества частных, единичных образов и представлений общие и отвлеченные понятия — вот те вопросы, для освещения которых этимологические исследования дают многообразный иллюстративный материал.

Этимологические изыскания хорошо иллюстрируют, например, один весьма важный процесс в развитии мышления: общие и отвлеченные понятия рождаются не сразу; они постепенно формируются на базе конкретных, образных представлений. Древнеиранское *sixta-* «красный» содержит корень *sik-* «огонь, гореть». Образ огня дал начало отвлеченному понятию «красный». Осетинское *arf* «глубокий» восходит к древнеиранскому **āra-* от корня *ār-* «вода». Отвлеченному понятию «глубина» предшествовало конкретное представление о «глубокой воде» (реке, озере, море); из образа «водная глубь» возникло со временем понятие «глубокий» вообще. Русскому *крутой* отвечает в литовском *kraĩtas* «берег». Очевидно, образ крутого, обрывистого берега послужил основой для образования отвлеченного понятия «крутой». Так же обстоит дело с другими отвлеченными понятиями. Благодаря успехам этимологических исследований мы видим воочию, как человеческая мысль справляется со своей важнейшей задачей: образованием общих и отвлеченных понятий. Абстрагируясь от конкретных образов: «огня», «воды», «берега», «горы», она создает общие понятия: «красный», «глубокий», «крутой», «высокий» и т. п.⁹

5. Этимология как наука немыслима вне сравнительно-исторического метода

Попытки объяснить происхождение слов и отмечать родственные слова в различных языках делались еще в глубокой древности. У античных авторов можно найти немало таких «этимологических» опытов¹⁰. Нельзя сказать, чтобы все они были ошибочными. Иногда их авторы нападали и на правильное объяснение. Не всегда заблуждаются даже так называемые «народные этимологии». В них также изредка попадаются крупицы истины. Тем не менее говорить об этимологии как науке можно только с момента глубокого теоретического и практического обоснования сравнительно-исторического метода, т. е. с начала XIX столетия. Этот метод выработал те точные, многократно проверенные принципы и критерии этимологи-

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

⁹ Само собой разумеется, путь от конкретного к абстрактному не является единственным путем семантического развития. Немало можно привести примеров, когда конкретное получает название по абстрактному. Так, если в одном случае отвлеченное понятие «высокий» может быть образовано от конкретного «гора», то в других случаях, наоборот, в слове «гора» мы можем распознать отвлеченное «высокий». Мы привели примеры на образование отвлеченных понятий из конкретных, потому что с этим именно процессом связаны решающие успехи человеческого мышления.

¹⁰ Один из диалогов Платона «Кратил или о правильности имен» в значительной части посвящен этимологическому разбору ряда греческих слов.

ческого исследования, которые переводят этимологическую работу из области домыслов и догадок на почву точных научных приемов и сообщают полученным результатам либо абсолютную, либо значительную достоверность. Без дисциплинирующего влияния этих принципов этимология обращается в зыбкую почву, где могут чувствовать себя привольно только фантазеры и дилетанты.

Классическим примером такой лженауки может служить так называемый «четырёхэлементный» анализ Н. Я. Марра. Основанный на полном игнорировании законов развития каждого конкретного языка, его исторической фонетики и морфологии, этот анализ в сущности упразднял историю и подменял серьёзную и кропотливую работу по историческому изучению конкретных языков гаданием «на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»¹¹.

6. Принципы этимологического исследования

Выработанные сравнительно-историческим языкознанием принципы этимологического исследования хорошо известны и не раз излагались¹².

Основной принцип, связанный с самой сущностью сравнительно-исторического метода, можно назвать принципом с и с т е м ы. Этот принцип требует, чтобы, устанавливая генетические связи между словами, исследователь не выходил из рамок данного языка или группы родственных языков, восходящих к одному языку-основе¹³. Только в этих границах установление этимологических связей может проводиться с научной достоверностью и в широких размерах. Убедительность подобных связей тем выше, чем строже мы держимся в рамках системы, имея в виду систему языка или систему родственной группы языков. Сопоставление слов, входящих в разные системы, не может иметь большой познавательной ценности до тех пор, пока не будет доказано, что подобные сходжения в свою очередь образуют систему, т. е. восходят в некоему первоначальному языковому единству.

Иными словами, этимология должна исходить неизменно из генеалогической классификации языков и из понятия языкового наследия.

Принцип системы был наиболее ненавистен Н. Я. Марру, и он пытался «преодолеть» его четырехэлементным анализом, с помощью которого он «увязывал» слова любого языка со словами любого другого языка «в мировом масштабе».

Установление генетических связей между словами в рамках системы производится на основе ряда критериев, из которых на первое место выдвигаются обычно фонетический, морфологический и семантический.

Фонетический критерий требует, чтобы предлагаемые этимологические сближения и разъяснения опирались неизменно на установленные для данного языка или данной группы языков закономерные звуковые соответствия. Так, этимологическое сближение осетинского *гæрзун* с русским *лаять* опирается не только на тождество их значений, но и на тот установленный факт, что индоиранские языки, к которым относится осетинский, характеризовались ротацизмом, т. е. систематически заменяли звук *l* звуком *г*. Стало быть, наличие в осетинском языке *г* в соот-

¹¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

¹² Из последних обобщающих работ см. цитированные труды А. А. Белецкого и V. Pisanì.

¹³ Само собой разумеется, это не относится к заимствованиям.

ветствие русскому *л* является закономерным. Оно может быть проиллюстрировано такими примерами, как русское *луч* — осетинское *luzs* «свет» и др.

Морфологический критерий требует, чтобы при этимологическом анализе считались не только с совпадением корней или основ, но и с единством и закономерным соответствием словообразовательных формантов и вообще с морфологической историей слов. Так, сближение осетинского *rasl* «прямой» с латинским *rectus* или осетинского *fyst* «написанный» с латинским *pictus* основано не только на общности корней, но и на том, что в обоих языках эти слова представляют формы прошедшего причастия; ср. в осетинском *a-raz-yn: a-ræst* «направлять», *fyssyn/finsun: fyst/finst* «писать», в латинском *rego: rectus* «направляю», *pingo: pictus* «пишу красками».

Семантический критерий требует от этимологиста серьезнейшего внимания не только к внешней (фонетической и морфологической) стороне сравниваемых слов, но и к смысловой стороне. Пути семантического развития слов бывают зачастую очень причудливыми и извилистыми, но это вовсе не значит, что в этой области царят произвол и хаос и что, стало быть, этимологист не должен себя связывать здесь никакими рамками и ограничениями. Широкое привлечение историко-семасиологического материала из различных языков, на этот раз не только родственных, дает путеводные нити среди кажущегося хаоса семантических явлений и сообщает многим этимологическим разъяснениям такую же убедительность со стороны смысловой, какую они могут иметь со стороны формальной.

Когда мы, например, рассматриваем осетинское *cæsgom* (*cæskom*) «лицо» как сложение из *cæst* «глаз» и *kom* «рот», мы исходим не только из того, что такое разъяснение не противоречит нормам осетинской фонетики и словообразования, но опираемся также на факты других языков, где понятие «лица» выражается таким же образом, например, аварское *berkal* «лицо» из *ber* «глаз» и *kal* «рот».

7. Трудности и сомнения

Было бы большой ошибкой думать, что этимологическая работа, при соблюдении перечисленных принципов, проходит всегда гладко, без сучка, без задоринки, и неизменно приводит к прочным, не вызывающим никакого сомнения результатам. В действительности в любом этимологическом словаре, наряду с достоверными, мы найдем и множество проблематичных, сомнительных разъяснений. Бывает так, что одно и то же слово получает у разных авторов до десятка и более различных этимологий. Множество слов остается вообще неразъясненным. Отчего это происходит? Очень часто — в силу объективного положения вещей: отсутствия или недостатка сравнительного материала. Тут уж, понятно, ничего не поделаешь. Но нередко корень зла кроется в недостаточности, ненадежности применяемых методов и приемов.

Дело в том, что приведенные критерии — фонетический, морфологический, семантический — не обладают свойствами абсолютной точности и выдержанности.

Известно, например, как часто нарушается выдержанность звуковых соответствий под действием *аналогии*. Те или иные колебания и отклонения от господствующих звуковых норм могли возникать и независимо от аналогии, как вклад отдельных диалектов.

Так, в индоиранских языках наблюдается в ряде случаев «незакономерное» колебание между смычными придыхательными и непридыхательными. Индийскому *khan-* «копать» отвечает иранское *kan-* (вместо ожидаемого *xan-*). Индийскому *athar-* (в *atharvan-* «жрец огня») — иранское

ātar- «огонь». Др.-персидское *amāxam* «нае» должно восходить закономерно к * *ahmākham*, но мы находим в Авесте *ahmākam*, в др.-индийском *asmi-kam*. Индоиранское название «рога», «сучка» восстанавливается в виде * *sākhā-* (др.-инд. *sākhā-*, перс. *sāx*), но осетинское *sag* «олень», *sagoj* «вилы» побуждают восстановить параллельную форму *sāka-*. Осетинское *cad* «озеро» и персидское *čāh* «колодец» представляют несомненно одно и то же слово, но для первого приходится восстанавливать др.-иранское **čāta-*, а для второго **čātha-*. В названии «города» в индоиранских языках наблюдается колебание между *kantha-* и *kanta-*. Греческое *ἔχω* предполагает индоевропейское **egom*, а др.-индийское *aham* — индоевропейское **eghom* (из **eghom* в греческом получилось бы *ἔχω*). Наблюдаются и иного рода фонетические колебания, например, между глухими и звонкими. Так, европейские названия «сердца» (ст.-слав. *сръдъце*, греч. *καρδίᾱ*, лат. *cor*, *cordis* и пр.) возводятся к индоевропейскому **krd-*, а индоиранские (др.-инд. *hrd-*, авест. *zərəd-*) — к индоевропейскому **ghrd-*.

Эти и подобные «ненормальности» не могут, конечно, подорвать значение звуковых закономерностей, но они заставляют быть осторожными и не полагаться слепо на их непогрешимость. Можно сказать: исследование, основанное на рабской вере в непогрешимость звуковых законов, обесценивается наполовину; исследование, вовсе не считающееся с этими законами, не имеет вообще никакой цены.

Если звуковые закономерности сплошь и рядом нарушаются всевозможными «аномалиями», то еще меньше могут претендовать на универсальность и постоянство законы семантики. Какая, например, закономерность в том, что медведь назван в одном случае «медо-едом» (в славянских языках), в другом — «бурым» (в германских), в третьем — не то «мохнатым», не то «лизуном» (так двояко толкуется литов. *lokis*)?

Немудрено, что время от времени раздаются голоса, начисто отрицающие какую-либо закономерность в области семантики¹⁴.

Трудности, возникающие при установлении звуковой и семантической истории слов, порождают скептицизм в отношении этимологических исследований вообще. Такой скептицизм стал у некоторых лингвистов, можно сказать, признаком хорошего тона. А. Мейе в одном месте пишет, что 90 из 100 находящихся в обращении этимологий кажутся ему сомнительными или ошибочными.

Родоначальником современных скептиков следует считать св. Августина, который писал: «*Ut somniorum interpretatio, ita verborum origo pro cuiusque ingenio iudicatur*», т. е. «с происхождением слов дело обстоит так же, как с толкованием сновидений: каждый толкует их по своему разумению». Но то, что у Августина было наивным выражением беспомощности науки его времени, то теперь, после огромных успехов языкознания, нельзя расценить иначе как нездоровое проявление упадочности и старческого маразма буржуазного языкознания. Скептицизм, который имеет в виду не конкретные недостатки и прорехи этимологических исследований, а этимологическую работу в целом, немногого стоит. Остается непреложным фактом, что все сравнительно-историческое языкознание родилось из этимологий, росло на этимологиях, зиждется в значительной части на этимологиях. Поворотным моментом в истории языкознания было сопоставление корней и форм санскрита с корнями и формами европейских языков. Это была э т и м о л о г и ч е с к а я работа, положившая начало языкознанию как науке. Успешное развитие сравнительно-исторического

¹⁴«Est-il possible de formuler les lois selon lesquelles les sens des mots se transforment? nous sommes disposés à répondre que non. La complexité des faits est telle, qu'elle échappe à toute règle certaine» (Michel Bréal, *L'histoire des mots*, 1887).

языкознания стало возможным потому, что, при всей сложности и многообразии языковых явлений и процессов, выявились все же определенные закономерности и в звуковых, и морфологических, и семантических соответствиях: в одних больше, в других меньше. Если бы этих закономерностей не существовало, никакого сравнительно-исторического языкознания у нас не было бы.

Если при всем том в этимологической работе остается много сомнительного и ненадежного, то это значит только, что методы этой работы все еще несовершенны и надо, не покладая рук, трудиться над их улучшением. Для скептицизма и пессимизма здесь нет места. Легко видеть, что скептицизм в отношении этимологии скрывает за собой агностицизм в отношении истории языка.

Каковы же пути преодоления тех трудностей, которые возникают в этимологических исследованиях? Было бы нелегко рекомендовать какие-либо универсальные рецепты, пригодные для всех случаев. Перечисленные выше критерии: критерий системы, фонетический, морфологический, семантический — при всех обстоятельствах сохраняют свое значение. Если не вполне благополучно с каким-нибудь одним из них, тем строже надо применить к разясняемому слову остальные. Несоответствие той или другой этимологии двум из указанных критериев свидетельствует о том, что всего благоразумнее отказаться от данной этимологии.

Но есть еще один первостепенной важности критерий, который остался, к сожалению, в тени за все время существования сравнительно-исторического языкознания.

8. Знание реалий — важнейшее условие подлинно научной этимологии

Выше мы воздали должное заслугам сравнительно-исторического языкознания, выработавшего научные основы, методы и приемы этимологического исследования. Оценивая высоко достижения сравнительно-исторического языкознания в этой области, не следует, однако, закрывать глаза на слабые стороны многих, можно сказать, большинства этимологических работ прошлого и нашего века. Важнейший их недостаток — невнимание к реалиям, зачастую просто незнание реалий¹⁵. Тот факт, что еще Я. Гримм говорил о своем постоянном стремлении «перейти от слов к предметам» и указывал, что «при этимологиях часто бывает полезно знание предметов», что и позднее многие выдающиеся языковеды, как Г. Шухардт, подымали свой голос против оторванных от жизни этимологий и сами дали хорошие образцы того, как нужно пробивать путь к правильной этимологии через глубокое изучение реалий, — не меняет положения. Отсутствие дыхания живой жизни, академизм, кабинетное мышление остаются самой уязвимой стороной многих и многих этимологических работ. Сотни этимологий основаны исключительно на звуковой близости и на видимой, кажущейся близости значений с точки зрения мышления автора этимологии, а не с точки зрения тех, кто создавал соответствующие слова. Между тем и фонетический и семантический и другие критерии становятся действительными и полезными лишь на фоне глубокого и всестороннего знания тех реальных исторических условий, в которых создавались и обращались разбираемые слова.

Ни фонетика, ни семантика сами по себе не гарантируют от грубейших ошибок, если они не подкреплены широкой исторической осведомленностью

¹⁵ Термин «реалии» мы употребляем в самом широком смысле как совокупность всех конкретно-исторических, материальных, социальных и культурных условий, в которых рождаются слова и которые налагают на них свой отпечаток.

исследователя, знанием того, что А. А. Белецкий называет «историческим контекстом».

В другом месте¹⁶ мне пришлось отметить неудачную этимологию осетинского *Amistol* (название летнего месяца,) предложенную известным норвежским приантом Г. Моргенстиерне. Последний делит слово на две части: *ami* и *stol*. Первую часть он сопоставляет с авестийским *hamina* «лето». Вторая часть *stol* остается у него без объяснения. В действительности осетинское *Amistol* представляет искажение слова *апостол* и к Авесте никакого отношения не имеет. Месяц назывался месяцем «апостолов», так как на этот месяц приходился праздник апостолов Петра и Павла (29 июня).

Неудача, постигшая в данном случае Г. Моргенстиерне, типична и поучительна во многих отношениях. Не говоря о произвольном расчленении слова на две части, из которых вторая остается неразъясненной, Моргенстиерне допускает две серьезные методологические ошибки:

а) слово вырывается из контекста и рассматривается изолированно, вне той лексической группы, к которой оно принадлежит, в данном случае — терминов календаря;

б) не ставится даже вопроса о происхождении и исторических корнях осетинского календаря в целом, одним из элементов которого является месяц *Amistol*.

Если бы Моргенстиерне рассматривал название *Amistol* не оторванно от всего осетинского календаря и если бы он заинтересовался историей последнего, он легко установил бы, что осетинский календарь является х р и с т и а н с к и м и искать в нем древнеиранские элементы совершенно не приходится. Достаточно привести названия других месяцев и праздников: *Basilæ* (св. Василий Великий), *Tutyrt* (св. Федор Тирон), *Nikkola* (св. Николай), *Majræmy kwadæw* (Успение богородицы), *Georguba* (св. Георгий) и др. В этой группе легко находит свое место и *Amistol* «апостол».

Окончательно убеждает нас в правильности нашей этимологии балкарский язык, где мы находим форму *Abestol*, более близкую к *апостол*. Почти все перечисленные слова восходят к начальному периоду осетинского христианства, т. е. примерно к X в., когда произошла официальная христианизация алан. Оставив без внимания эти факты, Моргенстиерне оказался увлеченным на путь ошибочной этимологизации.

9. Примеры этимологий, основанных на реалиях

Осетинское *fysym* означает «хозяин дома по отношению к гостю», «хозяин». С звуковой стороны вполне подошло бы сопоставление с авестийским *fšmant-* «владеющий скотом». Но как быть со значением? Мы ожидали бы, что тот, кто принимает гостя, должен владеть прежде всего д о м о м, что его наименование будет по смыслу чем-то вроде «домохозяин», а не «скотохозяин». Это было бы так, если бы слово *fysym* возникло в условиях о с е д л о г о быта. Но перенесемся в условия быта к о ч е в о г о, и этимология *fysym* ← *fšmant-* станет не только приемлемой, но, можно сказать, неотразимой. Если в оседлом быту гостя принимает хозяин д о м а, то в кочевом быту способность оказать гостеприимство связывается не с владением домом, а с владением с к о т о м, тем более, что мясо скота как раз и служит главным предметом угощения. Понятно, что в этих условиях «хозяин скота» оказывается также «хозяином, принимающим гостя». Таким образом, наша этимология получает решающую поддержку благодаря тому, что опирается на знание конкретных условий кочевого,

¹⁶ «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. VIII, вып. 1, 1949, стр. 77.

скотоводческого быта, в которых возникло слово, а также на знание того, что предки осетин в далеком прошлом действительно жили в этом быту.

Осетинское *wasajrag* «пленный», «раб». Этимология слова со значением «раб» может быть различна. Оно может восходить к племенному названию (др.-инд. *dāsa-* «не-ариец», «раб» = авест. *dāha* «название племени»); может указывать на понятие «рабочей силы» (перс. *dākar* от корня *kar* «делать», ср. также русск. *раб* и *работа*); может быть связано с понятием «лишения свободы» (перс. *banda* «раб», букв. «связанный», русск. *невольник*). Однако ни одно из этих значений не дает ключа к разъяснению осетинского *wasajrag*. Изучение истории рабовладения открывает еще один признак раба: то, что он служит предметом торговли. Работоторговля представляет, как известно, явление, имевшее широчайшее распространение в истории с древнейших времен. В неразвитых обществах родового строя и военной демократии, где уровень экономического развития не давал еще возможности для широкого применения рабского труда в хозяйстве, захват рабов мог иметь главным образом одну цель: продажу их на сторону. Так обстояло дело в обществе скифов и сарматов, с которыми преемственно связаны современные осетины. В такой среде понятие «раб» должно было связываться прежде всего с понятием «торговля», а не с каким-либо другим понятием. Осетинское *wasajrag* убеждает нас, что так оно и было. В слове легко распознается среднеиранское *vācār* «торговля» и распространенный формант *-ag*, означающий «предназначенность для чего-либо». В целом слово *wasajrag* «раб», этимологически разъясненное, означает буквально «предназначенный для продажи», «товар».

Совпадение в одном слове значений «пленный» и «раб» также поучительно. Оно указывает на то, что в той среде и в ту эпоху, когда возникло слово, война и плен были главным источником получения рабов.

Мы видим на этом примере, что исторические данные, помогая разъяснить факты языка, сами в свою очередь освещаются дополнительным светом со стороны языковых данных. Так оно и должно быть. Сотрудничество и взаимопомощь между историей и языкознанием являются не односторонними, а двусторонними, взаимными: пользуясь данными истории для правильного истолкования языковых фактов, языковед может со своей стороны дать историку ценнейшие дополнительные материалы для освещения важных историко-культурных вопросов.

Осетинское *fæstinon* «выздоровливающий» кажется морфологически вполне прозрачным: *fæs* — предлог, означающий «после», конечный *-on* — адъективный суффикс. Слово должно означать, стало быть: «находящийся в состоянии после чего-то». После чего? Очевидно — после болезни. Следовательно, *tin* должно означать «болезнь». Однако такого или созвучного слова со значением «болезнь» не удается обнаружить ни в иранских, ни в каких-либо других языках, с которыми имеет связи осетинский язык. Фонетически *tin* мог возникнуть из *cin* после *s* (*fæs-cin-on* → *fæstinon*). В этом случае мы приходим к форме *cin*. Такое слово имеется в осетинском, но означает оно не «болезнь», а «радость». Выходит, что состояние после болезни называлось состоянием «после радости». Результат настолько парадоксальный, что можно, казалось бы, отбросить его и продолжать поиски в других направлениях или признать слово не поддающимся разъяснению. Однако этого не следует делать. Предварительно нужно поинтересоваться некоторыми этнографическими данными о примитивных взглядах на сущность болезни. Согласно этим взглядам, болезнь насыщается божеством. В связи с этим на названия некоторых болезней, в особенности эпидемических, как оспа, налагается запрет. Они называются иносказательно, лживыми, заискивающими наименованиями, как «добрая», «кума», «друг» и т. п. Делается это для того, чтобы залобить соответствующ-

щее божество. В свете этих этнографических данных уже можно предположить, что в составе осетинского *fæstinoŋ* «выздоровливающий» болезнь называется «радостью». Это невинная хитрость бессильного перед эпидемиями человека, имеющая целью задобрить уходящую болезнь, чтобы она больше не возвращалась.

Осетинское *syvædœg* «детская соска» включает во второй части *fædœg* «сосок» (с закономерным озвончением $f \rightarrow v$). Начальная *sy*, заключающая всего два звука, могло бы породить множество этимологических ассоциаций и догадок. Но все они оказываются излишними, когда мы узнаем, что соски в старину делались из рога. Не подлежит сомнению, что в первой части нашего сложного слова имеем *sy* «рог» (в современном языке употребляется обычно с наращением форманта $-k'a$: *syk'a*).

Осетинское *zævætdur* «поднятник мельницы» (на нем вращается вертикальная ось турбины) по образованию вполне прозрачно; оно состоит из *zævæt* «пятка» и *dur* «камень». Однако, осмотрев соответствующую часть современной горской мельницы, мы не найдем там камня: поднятник делается из железа. Очевидно, слово унаследовано от тех времен, когда эта часть мельницы делалась из камня. Мне приходилось еще встречать в Осетии стариков, которые помнили это время и могли поэтому лучше любого кабинетного ученого объяснить этимологию слова *zævætdur*.

Немалое удовлетворение испытывает этимологист, когда предлагаемое им разъяснение перекликается с историческими сведениями, касающимися соответствующих реалий.

Среди скифских глосс Гесехия встречается слово *sakvōdax* «название одежды у скифов». Опираясь на данные иранских языков, я объяснил это слово как составное из *sak-gvñ-dak* «одежда (*dak*) из оленьего (*sak*) меха (*gvñ*)». Такое толкование показалось бы достаточно произвольным, если бы у Гесехия не было следующего пояснения к слову *tápxwōs*: «похожее на оленя животное, шкуры которого скифы употребляют на одежду».

На ряде примеров я пытался показать необходимость (не только желательность, а именно необходимость) широкого привлечения в этимологических исследованиях исторических, этнографических, фольклорных и иных смежных данных. Подобных примеров можно было бы привести сотни. Все они говорят об одном: подлинно научное этимологическое исследование должно иметь широкую опору во всестороннем изучении реалий. Прав А. А. Белецкий, когда он пишет: «Этимологическое исследование тогда становится наиболее ценным и плодотворным, когда оно является одновременно также историческим исследованием»¹⁷.

Высшей ступени достигает этимология, когда она становится наукой не только о словах, но и о скрытых за ними реалиях.

Отсюда вытекает еще один важный вывод: ни один лингвист не должен быть в такой степени вооружен разнообразнейшими сведениями по истории, культуре, этнографии, фольклору, археологии и пр., как лингвист-этимологист. И далее: в области этимологии особенно желательно и плодотворно сотрудничество языковеда с представителями смежных общественных наук.

10. Об этимологическом словаре нового типа

Статьи по истории отдельных слов, если они хорошо написаны, читаются с захватывающим интересом даже не языковедами. Почему же этимологические словари, которые должны быть, казалось бы, не чем иным, как собранием подобных статей, кажутся не специалисту сухими

¹⁷ А. А. Белецкий, Принципы этимологических исследований, стр. 52.

и мало интересными? Объясняется это отчасти тем, что в словаре составитель стремится к максимальной сжатости, чтобы дать в наименьшем объеме побольше сравнительного материала. Естественно поэтому, что в словарной статье трудно поместить весь тот оживляющий исторический материал, который можно свободно развернуть в специальной работе, посвященной отдельному слову. Но не в этом только дело. Главная причина «сухости» существующих этимологических словарей в том, о чем мы выше говорили: в оторванности от реалий. И здесь перед нами встает соблазнительная мечта о создании этимологического словаря нового типа. В такой словарь должны найти широкий доступ разнообразные исторические сведения, связанные с рождением и судьбой отдельных слов.

Язык и его история представляют огромную познавательную ценность для каждого мыслящего человека. К сожалению, эти сокровища в значительной части остаются книгой за семью печатями для не специалистов из-за известной обособленности языкознания от других общественных наук и из-за сугубого «академизма», свойственного многим языковедческим работам. Этимологический словарь нового типа должен быть чужд этой замкнутости и сухости. В нем должен забиться пульс истории, должны выступить живые черты быта, культуры данного народа, отраженные в истории слов его языка.

Такой словарь, если бы он был создан, не был бы достоянием только узкого круга специалистов. Он мог бы стать настольной книгой любого образованного человека, каждого интеллигентного рабочего и колхозника, так как в нем можно было бы найти не только ряды лексических соответствий, но обширный и разнообразный познавательный материал, освещающий через историю слов различные стороны прошлой жизни народа, его материальной и духовной культуры, его связей и сношений с другими народами. Подобный словарь нужен именно у нас, в Советском Союзе, где вопросы языка интересуют самые широкие круги людей и где языкознание становится, в особенности после исторического выступления И. В. Сталина, одной из самых популярных наук.

Существенной особенностью такого словаря, вытекающей также из его ориентации на широкий круг читателей, должно быть еще то, что в нем будут разъясняться не только корневые слова, но частично и производные, если их словообразовательная структура не вполне прозрачна и наглядна для не специалиста и если они имеют особый семантический, исторический и культурный интерес.

Указанные особенности проектируемого словаря приведут к значительному расширению его объема по сравнению с этимологическими словарями обычного типа. Это неизбежно. Но частично это разбухание можно нейтрализовать более строгим отбором разъясняемых слов. Дело в том, что если в словаре обычного типа, имеющем справочное значение, весьма важно наличие всех непроеизводных слов языка, то для словаря намечаемого типа отбор слов должен определяться их историко-культурной значимостью и интересом. Поэтому в него должен войти целиком прежде всего основной словарный фонд. Что касается остальной лексики, то она должна включаться с разбором. Лишь наиболее ценное, поучительное, интересное, наиболее значимое в социальном и историческом отношении должно найти себе место. Не следует также загружать такой словарь разъяснениями гадательными, сомнительными, натянутыми, которых бывает множество в словарях обычного типа. Лишь наиболее достоверное и надежное должно получить туда доступ.

Наконец, объем такого словаря уменьшится и благодаря тому, что в нем

не будет того громоздкого библиографического аппарата, который уместен и даже необходим в словаре для специалистов.

«Словарь будущего», о котором мы говорим, не может быть, разумеется, делом одного человека. Если даже этимологические словари обычного типа оказываются настолько трудоемкими, что составители зачастую не доживают до их завершения, как это было с А. Преображенским, Э. Бернекером и другими, то что сказать о словаре нового типа, где чисто лингвистическая работа осложняется множеством вспомогательных изысканий и справок исторического, историко-культурного, этнографического, археологического и иного характера! Такой словарь по плечу только целому коллективу, включающему помимо «чистых» лингвистов также знатоков истории, культуры, быта, этнографии, фольклора данного народа.

Говоря об этимологическом словаре нового типа, я хотел бы в заключение подчеркнуть, что такой словарь не должен упразднить и заменить этимологические словари обычного типа. Последние сохраняют свое значение как справочные издания, рассчитанные на специалистов. Новый же словарь, имея иные установки и ориентируясь на широкие круги интеллигенции, займет свое место помимо и независимо от словарей обычного типа. Он послужит одним из «окон», через которые языковедение выйдет на широкий простор общественных наук и внесет свою долю в познание народа, его культуры, его истории, его мышления и самосознания.

11. Об этимологической работе в Советском Союзе

Нельзя не признать, что в области составления этимологических словарей наше языковедение сильно отстает. Из языков Советского Союза только армянский имеет полный этимологический словарь, составленный советским ученым Р. Ачаряном (на армянском языке). Русский этимологический словарь А. Преображенского остался незаконченным. К тому же он уже во многом устарел.

Это отставание становится особенно заметным, если учесть, как велико многоязычие нашей родины, как интересны в историческом плане входящие в Советский Союз языки и как увлекательны открывающиеся здесь перед нашими языковедами перспективы.

Пора ликвидировать это отставание. Пора развернуть у нас этимологические работы крупного масштаба, которые и в этой области, как в других, вывели бы наше языковедение на первое место в мировой науке.

Какого типа этимологический словарь будет избран в каждом отдельном случае, по каждому отдельному языку — этого сейчас нельзя предсказать. Это зависит отряда условий: рассчитан ли словарь на специалистов или на широкие круги интеллигенции; какова степень исторической изученности данного языка; какими кадрами может быть обеспечена работа и пр. Насколько можно судить, из основных языков Советского Союза нет ни одного, который не имел бы уже сейчас благоприятных предпосылок для создания этимологического словаря того или иного типа.

Работа в этой области, если бы она получила свойственный нашей стране размах и проводилась упорно и настойчиво, принесла бы богатые результаты. Она дала бы много ценного не только для самого языковедения, но и для смежных дисциплин, прежде всего для истории народов нашей страны. Она внесла бы новый свет в вопросы этногенеза, культурной истории, исторических связей и сношений между народами. Наконец, она в большой степени способствовала бы популярности языковедения, подвигу интереса к языку и его истории со стороны самых широких кругов.